

ПРАВО И ПОЛИТИКА

Новое международное право: к вопросу о сущности

*Байльдинов Е.Т.**

Статья посвящена проблеме соотношения между собой основных (общепризнанных) принципов современного международного права (ОПМП) и необходимости признания их неравнозначности и неодинаковой юридической силы. Автор высказывает необходимость нового взгляда на международное право, основная социальная цель и предназначение которого, по нему, должны состоять в обеспечении устойчивости глобального (общечеловеческого) развития, понимаемого как безопасное, свободное, всестороннее и гармоничное развитие каждой личности, каждого народа и каждого государства в согласии с окружающей природной и социальной средой на основе равных прав и равных возможностей. В качестве основы для формирования так называемого «нового» международного права автор предлагает свое видение иерархически выстроенной системы ОПМП.

Ключевые слова: новое международное право; основные принципы; устойчивость; глобальное развитие.

Проблема соотношения между собой основных (общепризнанных) принципов международного права (ОПМП) является, пожалуй, одной из важнейших не только доктринальных, но и практических проблем¹. В последние два десятилетия поведение отдельных государств

* Байльдинов Ергали Темуржанович – к.э.н., доцент кафедры конституционного и международного права Новосибирского государственного технического университета, доцент кафедры международного права Новосибирского государственного университета. ergali.06@mail.ru.

на международное право и, соответственно, их международно-правовые доктрины, базирующиеся на позициях реализма, вошли в серьезное противоречие с основной доктриной современного международного права, исходящей из равнозначности и равной юридической силы всех основных принципов между собой². В практике международных отношений этих государств мы видим, что принципы уважения прав человека и невмешательства не просто коллидируют между собой: принцип уважения прав человека в системе ОПМП ставится выше принципа невмешательства по своей юридической силе. То же самое можно сказать и о коллизии принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств. Сегодня мы находимся в очень сложной и в то же время интересной ситуации, когда следует либо признать неравнозначность ОПМП между собой и тогда выстроить соответствующую иерархию между ними, в дальнейшем укрепляя на этой основе ООН, либо стать свидетелем постепенной утраты современным международным правом своих правовых характеристик.

Думается, что международное сообщество пойдет все-таки по первому пути, и этот путь фактически будет означать начало процесса формирования нового международного права. Представляется также, что гуманитарная интервенция в той или иной форме будет легализована, и принципиальным вопросом здесь станет, очевидно, только определение и строгая регламентация оснований, субъектов, форм, методов, средств, а также объема такого вмешательства. К такому выводу приводит наличие трех очевидных и взаимообусловленных фактов:

1. С развалом СССР в явной форме выразилась обусловленность современного международного права интересами наиболее сильных в военном, экономическом и культурном смысле держав, а не интересами международного сообщества в целом. Другими словами, в понимании сущности международного права верх взяла концепция структурного реализма.

2. Нарушение баланса силы в пользу США привело к снижению авторитета международного права: мир стал свидетелем того, что не только известные постоянные члены Совета Безопасности, но и некоторые обычные члены ООН позволяют себе не замечать существования международного права, когда им это становится выгодным. В этом, очевидно, отражается нигилистический подход к международному праву.

3. В результате нарушения баланса силы в международных отношениях и потери устойчивости международного правопорядка возникла объективная необходимость в реформировании международного права, а вместе с ним и международного порядка (правопорядка), в том направлении, которое позволит поддерживать хотя бы относительную устойчивость общемирового развития. Другими словами, существует потребность в новом видении международного права, способном обеспечивать более безопасный, более гармоничный и более справедливый миропорядок. Предназначение этого «нового» международного права, как представляется, должно состоять не только и не столько в сохранении баланса интересов большинства государств, сколько в обеспечении наиболее общих интересов всего человечества в целом. Иначе говоря, новое международное право должно регулировать отношения между государствами не просто в интересах своих народов, но и так, чтобы эти интересы не противоречили бы интересам человечества в целом. В этой связи представляется, что основной целью нового международного права следует признать устойчивость глобального (общечеловеческого) развития, т.е. **безопасное, свободное, всестороннее и гармоничное развитие каждой личности, каждого народа и каждого государства в согласии с окружающей природной и социальной средой на основе равных прав и равных возможностей.**

Процесс формирования нового международного права, видимо, и будет представлять собой решение вышеназванной триединой задачи.

Если следовать по пути признания неравнозначности ОПМП между собой, то тогда необходимо научно обосновать соответствующую иерархию принципов и их взаимное соотношение. Отдельными учеными высказывались ранее мнения о неравнозначности принципов³, однако в целом представленные в доктрине различные классификации ОПМП и варианты их систематизации исходят из признания их полного юридического равенства⁴.

В этой связи хотелось бы поделиться своими взглядами на возможную иерархию ОПМП, которая могла бы способствовать более устойчивому развитию человечества. Предлагаемая ниже классификация (систематизация) ОПМП является своего рода попыткой устранить названные внутренние противоречия и выстроить все принципы в строгой юридической иерархии в зависимости от важности каждого принципа для человечества в целом. В основу ее положен базовый, наиболее важный для всего человечества, принцип – принцип уважения

прав и основных свобод человека. Представляется, что все остальные принципы должны рассматриваться как производные от него, логически и иерархически вытекающие из него и предыдущих принципов, и поэтому, на наш взгляд, должны обладать юридической силой в строгом соответствии со своим иерархическим положением в предлагаемой системе основных принципов международного права.

1) Принцип уважения прав и основных свобод человека, на наш взгляд, является наиболее важным, а потому центральным и исходным во всей системе основных принципов международного права. Он затрагивает базу человеческого существования и развития. Без обеспечения права на жизнь и других естественных прав и основных свобод человека невозможно развитие никакой, даже самой элементарной, общественной системы. В этой связи представляется, что принцип уважения прав человека должен развиваться в направлении юридического обеспечения динамического баланса (гармонии) наиболее общих прав каждого человека (человечества), который каждое государство обязано поддерживать не только на своей территории, но в своих сношениях с внешним миром. Представляется также, что наиболее общие права каждого человека (человечества) в концентрированном виде можно выразить как безопасное, свободное, всестороннее и гармоничное развитие, но в согласии с окружающей природной и социальной средой на основе равных прав и равных возможностей. Если первая часть данной формулы есть «свернутый» перечень общепризнанных прав каждой отдельной личности, то ее вторая часть представляет собой ограничения этих прав, вызванные наличием таких же прав у других людей, живущих в едином природном и социальном контексте с каждым конкретным человеком. Отсюда следует, что перечень и объем прав человека не есть некий незыблемый Абсолют, а есть величина переменная, динамичная, определяемая лишь необходимостью обеспечения гармонии прав всех членов рассматриваемого общества, будь то отдельное государство, сообщество государств или человечество в целом. Гармония прав всех членов рассматриваемого общества означает, что все члены такого общества обладают одинаковым перечнем прав в одинаковом объеме. Очевидно, что чем из большего количества членов состоит рассматриваемое общество, тем меньше будет возможный перечень реальных прав и их объем у каждого отдельно взятого члена общества, и наоборот. Таким образом, согласие с окружающей природной и социальной средой на основе равных прав и равных возможностей

предполагает возможность изменения (причем, как в сторону ограничения, так и в сторону расширения) перечня и объема прав отдельной личности в целях достижения и/или поддержания социальной гармонии (устойчивости общечеловеческого развития).

Сказанное тем самым означает, что права отдельного человека не могут иметь приоритет над правами народа (национальными правами), суверенными правами государства. Они должны находиться в контексте прав народа (нации). Национальные права как совокупные и наиболее общие права каждого члена нации не должны нарушаться действиями отдельных лиц под предлогом реализации ими своих прав. Поэтому в демократическом правовом государстве национальные права, как правило, полностью совпадают с базовыми правами человека. Права и интересы отдельного индивида не могут стоять выше прав и интересов всех и каждого, прав и интересов общества, в котором он живет, будь то семья, трудовой коллектив или нация в целом. Поскольку в демократическом правовом государстве правительство выражает и реализует права и интересы всей нации в целом, то, соответственно, права и интересы отдельной личности не должны противоречить национальным (суверенным) правам и интересам как наиболее общим для каждого гражданина страны правам и интересам. В тоталитарных государствах, где национальные права и интересы определяются одной персоной единолично или узким кругом бессменно находящихся у власти людей, возможны не только нарушения прав отдельного человека, но и нации в целом. И исторических примеров тому предостаточно. Всеобщая Декларация прав человека 1948 года также говорит о приоритете общих интересов над индивидуальными. «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности». При этом прямо предусматривается возможность ограничения прав только в интересах «общего благосостояния в демократическом обществе» (статья 29).

2) Принцип равноправия и самоопределения народов следует рассматривать как напрямую вытекающий из принципа уважения прав и основных свобод человека: если все люди на Земле равноправны и свободны в выборе путей своего развития, то и народы, которые эти равноправные и свободные люди формируют, также равноправны и имеют право самостоятельно определять свою судьбу. Эта очевидная логика подчеркивает иерархическую связь и соподчиненность принципа прав человека и принципа равноправия и самоопределения

народов. Однако право народов на самоопределение, равно, как и права человека, ограничено правами других народов, совместно проживающих на определенной территории, и оно может быть реализовано только с согласия этих народов. С нашей точки зрения, именно так должен пониматься данный принцип, поскольку только в этом случае снимается противоречие между этим принципом и принципом территориальной целостности.

В связи с тем, что некоторые авторы в соответствующей литературе⁵ называют этот принцип «принципом равноправия и самоопределения народов и наций», запутывая и без того сложную проблему понимания основных принципов, следует, на наш взгляд, дать четкое и однозначное определение понятия «народ» в отличие от понятия «нация».

К сожалению, в российской и постсоветской литературе по международному праву нет четкого разделения этих понятий. Общеизвестно, что в постсоветском сознании, не только на бытовом, но и на политическом и научном уровнях, достаточно прочно укоренился стереотип, в соответствии с которым под нацией понимается некая этнически однородная общность людей. Устоявшиеся в обиходе словосочетания «межнациональные отношения», «национальная политика», предполагающие соответственно отношения между различными этническими группами и политику титульного этноса по отношению к другим этносам, как раз и отражают этот феномен.

Понятие «народ» здесь имеет два значения: одно из них подразумевает совокупное население страны, а второе – некую этническую группу в структуре населения страны. Другими словами, с точки зрения человека постсоветской формации (*homo postsovieticus*), понятия «нация» и «народ» в своем втором значении идентичны. Более того, для обозначения относительно небольшой по численности этнической группы в структуре населения страны используют понятие «народность». Все это значительно усложняет и запутывает детерминацию понятий «нация», «национальность», «народ», «народность», «этнос» и т.д.

В современной же западной доктрине международного права под нацией понимается совокупность граждан некоего государства, как правило, вне зависимости от их этнической принадлежности. В этом смысле нация – это самоопределившийся народ, создавший собственное суверенное независимое государство. Если термин «национальность» в «советском» менталитете предполагает принадлежность того или

инного индивида к определенной этнической общности, смешивая его с понятием «нация» или «народ» в русском значении этих слов, то в западной культуре это понятие однозначно и четко обозначает принадлежность индивида к определенной нации как совокупности граждан некоего государства, т.е. гражданство индивида. При этом его этническая принадлежность и не предполагается.

Понятие «народ» (people) в западной культуре имеет три значения. Первое, так же, как и в постсоветском сознании, означает население некоей страны в целом без какой-либо детерминации его этнической принадлежности или этнического состава. Второе значение подразумевает некую этническую общность. Третье же значение имеет несколько расплывчатый смысл – люди в целом как некая совокупность индивидов. Нюанс заключается в том, что для случая самоопределившегося народа понятия nation и people имеют одинаковый смысл, а для случая несамоопределившихся народов или народов в составе полиэтнического населения некоей страны – разный.

Таким образом, сущность первой части принципа равноправия и самоопределения народов заключается в том, что *равноправны между собой как самоопределившиеся, так и не самоопределившиеся народы*, равноправны нации и народы. Эта сущность отражена и в названии принципа.

Отсюда становится очевидным, как важно учитывать разность менталитетов при интерпретации принципов международного права. Даже собственно в разных версиях одного и того же понятия, *international law* и «международное право», существует разница в отражении его смысла. Русский вариант не совсем корректно отражает сущность этого понятия, передавая его как право между народами. Термин *international law* («межнациональное» в смысле межгосударственное право) более удачен в интерпретации не только понятия «международное право», но и понятия «нация», имея в виду страну, государство, организованную в государство общность людей. На эту проблему также обращает внимание Лукашук И.И. и другие ученые⁶.

3) Принцип суверенного равенства государств. Данный принцип необходимо рассматривать как логически вытекающий из предыдущего принципа. Его правовая сущность в таком случае будет заключаться в следующем: если юридически равноправны и свободны все народы, населяющие Планету, то и все государства, которые образовали свободные и равноправные народы, также юридически равноправны,

свободны и независимы друг от друга⁷. При этом именно свободные и равноправные народы, формируя через законные выборные процедуры свои государства, наделяют их суверенитетом. С нашей точки зрения, о суверенном равенстве можно говорить лишь в демократическом смысле, т.е. только тогда, когда народы соответствующих государств как источники национальных суверенитетов законным образом наделили свои правительства властными полномочиями. В противном случае такие правительства незаконны, и, следовательно, по отношению к руководимым ими государствам принцип суверенного равенства может применяться по усмотрению.

4) Принцип невмешательства во внутренние дела суверенного государства. Нам представляется, что данный принцип следует рассматривать как иерархически вытекающий из принципа суверенного равенства государств, при этом суверенное равенство, как было здесь показано, основано на равенстве народов, а равенство народов, в свою очередь, вытекает из признания прав человека и равноправия всех людей на Земле. Следовательно, каждое суверенное с демократической точки зрения государство обязано признавать не только суверенитет других государств, сформированных в соответствии с волей своих народов, и их суверенные права, но и уважать и защищать на своей территории права человека и равноправие людей вне зависимости от их гражданства и этнической принадлежности, а также права этнических групп, поскольку принцип уважения и защиты прав человека и принцип равноправия и самоопределения народов в предлагаемой системе принципов имеют более высокое иерархическое положение. Отсюда следует несколько иная интерпретация принципа невмешательства, а именно, вмешательство во внутренние дела суверенного государства в целом недопустимо, но может быть юридически оправдано только в случаях:

- нарушения этим государством прав человека или его неспособности обеспечить эти права;
- нарушения этим государством прав своего населения или отдельных этнических групп либо его неспособности обеспечить эти права;
- нарушения суверенных прав данного государства со стороны внутренней оппозиции или со стороны других государств.

При этом вмешательство должно осуществляться только со стороны мирового сообщества в целом в лице ООН, а методы, средства

и пределы такого вмешательства должны быть строго регламентированы в ее Уставе.

Действия государства, систематически нарушающие права человека и права своего народа, не могут быть признаны законными. Только сам народ может делегировать государству право ограничивать себя в правах через законно принятую конституцию и соответствующие ей законы. Поскольку, с демократических позиций, права народа есть совокупные, наиболее общие и равные по объему права каждого из жителей государства, следует признать легитимным только такое вмешательство во внутренние дела суверенного государства, которое совершается от имени и с санкции ООН с целью защиты прав человека, прав народа в целом (а также отдельных этнических групп в его составе) или суверенных прав соответствующего государства. С этой точки зрения глава VII Устава ООН, предусматривающая превентивные и принудительные меры, должна быть дополнена, на наш взгляд, этими положениями.

5) Принцип территориальной целостности государств предлагается рассматривать как иерархически вытекающий из принципа суверенного равенства государств, а также принципа невмешательства. Территория государства может быть изменена каким-либо образом только с согласия нации (народа данного государства) и на основе международного договора с заинтересованными государствами.

6) Принцип нерушимости границ следует рассматривать как логическое продолжение предыдущего принципа. Более того, на наш взгляд, данный принцип можно рассматривать как часть предыдущего принципа, поскольку правовое содержание принципа территориальной целостности уже само по себе предполагает и нерушимость границ. Поэтому представляется, что более эффективно этот принцип будет выполнять свое предназначение, если он будет закреплён как принцип неприкосновенности границ и в этом смысловом направлении будет развито его правовое содержание.

7) Принцип сотрудничества логически вытекает из всех предыдущих принципов, поэтому его иерархия и место в системе принципов определяется данной правовой логикой. На наш взгляд, юридическая сила данного принципа имеет, безусловно, императивный характер. Однако, как было показано ранее, целый ряд крупных ученых, в том числе и профессор Лукашук И.И., выражают сомнение по поводу его обязательной юридической силы. Более того, отдельные

юристы-международники видят в этом принципе не обязанность государств, а их право. Нельзя заставить суверенное государство сотрудничать с кем бы то ни было, если оно не заинтересовано в таком сотрудничестве⁸. Тем не менее, представляется, что принцип сотрудничества следует считать императивной нормой международного права, поскольку названное противоречие разрешается, если применить в исследовании данной проблемы системный подход, а также, если понимать международное право как обеспеченную заинтересованными государствами систему норм, регулирующих отношения между ними в интересах своих народов и в гармонии с наиболее общими правами и интересами всего человечества.

Необходимость сотрудничества вытекает из естественной потребности любой социальной структуры, в том числе и государства, развиваться. Совершенно очевидно, что без сотрудничества нет развития. Без сотрудничества мужчины и женщины невозможно построить счастливую семью, без сотрудничества членов трудового коллектива невозможно развитие организации, без сотрудничества заинтересованных в нем компаний невозможно развитие каждой компании в отдельности. Это — аксиома. Развитие в самом общем смысле этого слова — основная цель любого человека, любого общества, любого государства, любого социального образования. Поэтому для обеспечения развития какой-либо социальной системы структурно входящие в нее подсистемы обязаны сотрудничать между собой, учитывая права и интересы друг друга.

Если под системой понимать все человечество, то отдельные суверенные государства будут являться ее подсистемами, и, следовательно, обязаны сотрудничать в достижении общечеловеческих целей. Если же речь идет об общих целях отдельных взаимозависимых государств, то под системой необходимо понимать совокупность только тех государств, для которых эти цели являются общими. В этом случае принцип сотрудничества будет являться императивной нормой только для заинтересованных государств, т.е. для государств, создавших «малую» систему.

В соответствии с предлагаемым в настоящей работе «новым» видением международного права, его основной целью следует признать обеспечение устойчивости общечеловеческого развития, определяемой здесь как *безопасное, свободное, всестороннее и гармоничное развитие каждой личности, каждого народа и каждого государства в согласии с окружающей природной и социальной средой на основе равных*

прав и равных возможностей. Если исходить из данной цели международно-правового регулирования, то все государства обязаны сотрудничать между собой в интересах своих граждан и народов, но в гармонии с правами и интересами всего человечества.

Таким образом, принцип сотрудничества необходимо считать императивной нормой для всех взаимозависимых государств. Однако, учитывая тот факт, что мир стал весьма взаимозависимым, то очевидным становится и то, что этот принцип должен рассматриваться как обладающий безусловной юридической силой для всех государств *erga omnes*.

8) Принцип *Pacta sunt servanda* следует рассматривать логически вытекающим из предыдущего принципа. Совершенно справедливым является то обстоятельство, что если государства сотрудничают между собой, то и обязательства, которые они на себя взяли в этом сотрудничестве, должны добросовестно выполняться.

9) Принцип мирного разрешения международных споров также вытекает из предыдущего принципа. Разумеется, что при всяком сотрудничестве, всяком взаимодействии могут возникать различные споры, которые могут привести даже и к военным столкновениям. Поэтому императив данного принципа обязывает государства разрешать любые свои споры, возникающие у них с другими государствами или каким-либо иными субъектами международного права, только мирными средствами.

10) Принцип воздержания от применения силы или угрозы силой целесообразно, на наш взгляд, рассматривать как логически вытекающий из предыдущего: если все споры должны разрешаться исключительно мирными средствами, то применение военной силы или угрозы ее применения, за исключением случаев, предусмотренных Уставом ООН, должно быть запрещено.

Итак, на основе всестороннего исследования основных принципов международного права мы попытались разрешить их внутреннее противоречие, логически обосновать и иерархически выстроить их систему, в которой исходным является принцип уважения прав человека. При противоречии между принципами приоритетом должны пользоваться те принципы, которые находятся выше по своей иерархии. Представляется, что в таком систематизированном виде они будут больше способствовать глобальной устойчивости.

¹ См., напр.: Проблемы гуманитарной интервенции и защиты граждан за рубежом // Международная жизнь. 2009. №7. С.33; Малеев Ю.Н. Неизвестные, но общепризнанные // Международное право. 2005. №1(21). С. 5-20.

² См., напр.: Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970. С.56-100; Алексидзе Л.А. Некоторые вопросы теории международного права. Императивные нормы. Тбилиси, 1982; Шестаков Л.Н. Императивные нормы в системе современного международного права. М., 1982.

³ См., напр.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2005. С.299.

⁴ См., напр.: Бобров Р.Л. Основные проблемы теории международного права. М., 1968. С.197-198; Международное право / Под ред. Н.Т. Блатовой. М., 1987. С. 91-92.

⁵ См., напр.: Международное публичное право / Под ред. К.А.Бекяшева. М.: Проспект, 1999. С. 73.

⁶ См., напр.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 14-15.

⁷ А. Фердросс, например, считал, что принцип суверенного равенства «не означает, что все государства имеют равные права, а лишь то, что ни одно суверенное государство не подчинено другому». Однако это мнение не кажется нам бесспорным. (Цит. по: Международное публичное право / Отв. Ред. К.А. Бекяшев. М.: Проспект, 2009. С. 118).

⁸ См.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 320.

A New International Law (Summary)

*Ergali T. Baildinov**

The article is dedicated to the problem of basic principles of international law co-relation between each other. The author argues a necessity of recognition of the basic principles non-equal legal force. He proposes a new view on international law whose main social objective should be recognized as ensuring a sustainability of global human development understood as a global social harmony. As a basis for a *new* international law the basic principles of international law author-seen hierarchy is proposed.

Keywords: New International law; basic Principles; sustainability; global development.

* Ergali T. Baildinov – Ph.D., assistant professor of the Chair of Constitutional and International law of the Novosibirsk State Technical University; assistant professor of the Chair of International law of the Novosibirsk State University. ergali.06@mail.ru.